

Люси Мод
Монтгомери

—

Аня из Шумящих Тополей

Москва
2024

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
М77

Lucy Maud Montgomery
ANNE OF WINDY POPLARS

Перевод с английского
Марины Батищевой

Художественное оформление серии
Степана Костецкого

Монтгомери, Люси Мод.

М77 Аня из Шумящих Тополей / Люси Мод Монтгомери ; [перевод с английского М. Батищевой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-192638-0

Четвёртая книга из цикла про Аню Ширли, роман в эпистолярной форме.

Гилберт делает Ане предложение, и она принимает его. Но счастливый момент свадьбы отложен на три года, пока Гилберт продолжает обучение в университете, а Аня устраивается в школу в городе Саммерсайд. Она не только преподаёт в школе, но и занимает должность директрисы, что само по себе сложно, так ещё и втягивает её в противостояние с влиятельной в городе семьёй Прингли. Ане предстоит не только завоевать дружбу и уважение со стороны коллег, но и узнать множество тайн местных жителей... На протяжении всех трёх лет Аня пишет жениху трогательные письма — о своих отношениях с новыми знакомыми и о том, в каких историях ей вольно или невольно пришлось участвовать.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-192638-0

© Батищева М., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГОД ПЕРВЫЙ

1

ПИСЬМО АННЫ ШИРЛИ,
бакалавра гуманитарных наук,
директрисы Саммерсайдской средней школы,
ГИЛБЕРТУ БЛАЙТУ,
студенту медицинского отделения
Редмондского университета в Кингспорте

*Шумящие Тополя,
переулок Призрака, Саммерсайд,
о-в Принца Эдуарда.*

Понедельник, 12 сентября.

Любимейший!
Вот это адрес! Тебе доводилось слышать что-нибудь более очаровательное? Шумящие Тополя — название моего нового дома, и оно мне очень нравится. Нравится мне и название переулка — «переулок Призрака», хотя официально его не существует. Переулок должен именоваться Трент-стрит, но никто его так не называет, если не считать редких случаев, когда о нем упоминают в «Еженедельном курьере», и тогда люди с недоумением переглядываются и спрашивают друг друга: «Трент-стрит? Да где ж это такая, скажите на милость?» А это просто-напросто переулок Призрака, хотя по какой причине он так называется, не могу сказать. Я уже спрашивала об этом

Ребекку Дью, но все, что она смогла сообщить, — это то, что он всегда был переулком Призрака и что когда-то, давным-давно, были какие-то рассказы о якобы посещающем этот переулок привидении. Но, по ее словам, она никогда не видала здесь ничего такого, что было бы страшнее, чем она сама.

Однако мне не следует забегать вперед. Ты же еще ничего не знаешь о Ребекке Дью. Но узнаешь — и немало! Я предвижу, что ее имя будет часто фигурировать в моих письмах.

Смеркается. (Какое, замечу мимоходом, прелестное слово! Мне оно нравится гораздо больше, чем «темнеет». Оно звучит так бархатно, призрачно и... и... *сумеречно*.) При свете дня я принадлежу этому миру, во мраке ночи — сну и вечности. Но в сумерки я свободна и от одного, и от другого и принадлежу лишь себе... и тебе. Поэтому я намерена всегда посвящать этот час нашей переписке. Впрочем, *это* письмо не будет любовным. Сегодня у меня скрипучее перо, а я не могу писать любовные письма скрипучим пером... или царапающим... или тупым. Так что ты будешь получать от меня письма *того* рода только тогда, когда у меня под рукой окажется именно такое перо, какое нужно для этого. Пока же я расскажу тебе о моем новом жилище и его обитателях. Гилберт, они просто прелесть!

В Саммерсайд я прибыла еще вчера, чтобы подыскать себе жилье. Вместе со мной поехала миссис Линд, якобы для того, чтобы сделать кое-какие покупки, но на самом деле — я точно знаю — для того, чтобы выбрать для меня подходящую комнату. Несмотря на всю мою университетскую ученость и степень бакалавра, она все еще считает меня неопытным юным созданием, которое необходимо направлять, поучать и оберегать.

Приехали мы поездом, и тут, Гилберт, со мной произошел забавнейший случай. Я из тех, с кем вечно проис-

ходят всякие приключения, хотя мы их и не ищем. Я, так сказать, прямо-таки притягиваю их к себе.

Все произошло тогда, когда поезд уже подходил к нашей станции. Я встала и, наклонившись, чтобы поднять чемодан миссис Линд (она намеревалась провести воскресенье у своей саммерсайдской подруги), уперлась костяшками пальцев в то, что показалось мне гладкой, блестящей ручкой вагонного сиденья. В следующую секунду я получила сильнейший удар по руке, так, что чуть не взвыла от боли. Гилберт, то, что я приняла за ручку сиденья, было лысой головой какого-то мужчины! Он явно только что очнулся от сна и свирепо смотрел на меня. Я униженно извинилась и постаралась как можно скорее выбраться из вагона. Когда я бросила в его сторону последний взгляд, он все еще пристально смотрел на меня. Миссис Линд была в ужасе, а у меня до сих пор болит рука!

Я не ожидала, что столкнусь с какими-либо трудностями в поисках жилья, поскольку некая миссис Прингль, супруга мистера Томаса Прингля, на протяжении последних пятнадцати лет неизменно сдавала комнату сменявшим друг друга директрисам и директорам Саммерсайдской средней школы. Но по какой-то неизвестной причине она вдруг устала от «хлопот с жильцами» и не пожелала взять меня к себе. В нескольких других подходящих домах меня встретили той же вежливой отговоркой. Еще несколько домов оказались неподходящими. Мы бродили по городку всю вторую половину дня и начали страдать от жары, усталости, тоски и головной боли — по крайней мере, я начала. В отчаянии я уже была готова отказаться от дальнейших поисков... и тогда появился переулочек Призрака!

Мы зашли повидать миссис Брэддок, давнюю близкую подругу миссис Линд. И миссис Брэддок сказала, что, вполне возможно, меня возьмут к себе вдовы.

— Я слышала, они хотят сдать комнату, чтобы иметь возможность платить жалованье Ребекке Дью. Они не смогут больше позволить себе держать Ребекку, если у них не появится какой-нибудь дополнительный источник дохода. А если Ребекка уйдет, *кто* будет доить их рыжую корову?

И миссис Брэддок устремила на меня суровый взор, словно считала, что *мой* долг — доить эту рыжую корову, но не поверила бы мне, заяви я хоть под присягой, что умею доить коров.

— Что это за вдовы? — спросила миссис Линд.

— Да это тетушка Кейт и тетушка Четти¹, — сказала миссис Брэддок таким тоном, будто все, даже любой невежественный бакалавр гуманитарных наук, должны это знать. — Тетушка Кейт — миссис Маккомбер (она вдова *капитана* Маккомбера), а тетушка Четти — миссис Маклин, обыкновенная вдова. Но все называют их тетушками. Они живут в самом конце переулка Призрака.

Переулок Призрака! Это решило дело. Я знала, что просто *должна* поселиться у вдов.

— Пойдемте прямо сейчас и поговорим с ними, — умоляюще обратилась я к миссис Линд. Мне казалось, что, если мы потеряем хотя бы миг, переулок Призрака вернется в сказочную страну, из которой появился.

— Поговорить-то с ними вы можете, но на самом деле решать, возьмут они вас к себе или нет, будет Ребекка Дью. В Шумящих Тополях, уж поверьте мне, всем заправляет она!

Шумящие Тополя! Такого не могло быть — не могло! Я подумала, что все это мне снится.

Но рядом была миссис Линд, которая заявила, что это очень странное название для дома.

¹ Chatty (*англ.*) — болтливый, разговорчивый; здесь уменьшительное от Charlotte (Шарлотта).

— Так уж его назвал капитан Маккомбер. Это был его дом. Он сам посадил все эти тополя вдоль ограды и очень ими гордился, хотя редко приплывал в Саммерсайд и никогда не оставался дома надолго. Тетушка Кейт обычно говорила, что это большое неудобство, но мы так никогда и не разобрались толком, имеет ли она в виду то, что он мало находится дома, или то, что вообще приезжает... Что ж, мисс Ширли, надеюсь, вам удастся пристроиться там. Ребекка Дью — отличная кухарка и истинный гений по части картофельных блюд. Если понравится ей, будете как сыр в масле кататься. Ну а не понравится — значит, не понравится, вот и весь сказ. Я слышала, тут у нас новый банковский служащий тоже ищет комнату. Может быть, она выберет его... М-да, что-то нечисто, если у Тома Прингля не захотели вас взять. В Саммерсайте полно тех, кто носит эту фамилию, да и многие из тех, кто ее не носит, наполовину Прингли. Их зовут у нас «королевским родом», и вам, мисс Ширли, придется постараться поладить с ними, а иначе дела у вас в нашей школе никогда хорошо не пойдут. Они всегда верховодили в здешних местах: есть даже улица, названная в честь старого капитана Эйбрахама Прингля. Это настоящий клан, а тон среди всей их братии задают две старые леди с Кленового Холма. Я слышала, они настроены против вас.

— Но почему? — воскликнула я. — Они меня совсем не знают!

— Какой-то их дальний родственник подавал заявление на должность директора школы, и все они считали, что ему она и достанется. Так что, когда на должность взяли вас, вся эта шатия запрокинула головы и завывала. Таковы уж люди! Надо принимать их такими, какие они есть. Прингли будут вести речи, сладкие как мед, но действовать во всем против вас. Я не хочу вас обескуражить, но думаю, что вам лучше узнать об этом сразу. Кто остережен, тот вооружен. Надеюсь, все у вас пойдет хо-

рошо — им назло... А если вдовы возьмут вас, вы ведь не будете против того, чтобы есть за одним столом с Ребеккой Дью? Она, понимаете, не *служанка*, а дальняя родственница капитана Маккомбера. Когда приходят гости, она не садится со всеми за стол — в *таких* случаях она знает свое место, — но, если вы поселитесь у них, она, разумеется, не будет считать вас гостьей.

Я заверила встревоженную миссис Брэддок, что буду рада есть за одним столом с Ребеккой Дью, и потянула миссис Линд к двери. Мне было необходимо опередить банковского служащего.

Миссис Брэддок последовала за нами в переднюю.

— И постарайтесь не задевать чувства тетушки Четти, хорошо? Ее так легко обидеть. Она такая чувствительная, бедняжка! Понимаете, у нее нет *таких* денег, как у тетушки Кейт, хотя и у тетушки Кейт их вовсе не так уж много. И кроме того, тетушке Кейт очень нравился ее муж — ее собственный муж, я хочу сказать, — а тетушке Четти не нравился — не нравился ее собственный, я хочу сказать. И неудивительно! Линкольн Маклин был старый чудак... но она думает, что люди вменяют это ей в вину. Как удачно, что сегодня суббота! Будь это пятница, тетушка Четти и думать бы не захотела о том, чтобы взять вас. Казалось бы, это тетушка Кейт, вдова моряка, должна быть суеверной, правда? Моряки как будто всегда этим отличаются. Но суеверна не она, а тетушка Четти, хотя *ее* муж был плотником. Она была очень хорошенькой в свое время, бедняжка!

Я заверила миссис Брэддок, что чувства тетушки Четти будут священны для меня, но она последовала за нами к воротам.

— Кейт и Четти не будут разглядывать ваши вещи, когда вас нет дома. Они очень щепетильны в этом отношении. Ребекка Дью, может быть, и взглянет, но сплетничать не будет. А еще я на вашем месте не пошла бы

к парадной двери. Они пользуются ею только в по-настоящему важных случаях. Я думаю, ее не открывали со времени похорон капитана Маккомбера. Толкнитесь в боковую дверь. Ключ они держат под цветочным ящиком на подоконнике. Так что, если дома никого нет, просто откройте дверь ключом, войдите и подождите. И ни в коем случае не хвалите кота, так как Ребекка Дью его не любит.

Я пообещала не хвалить, и мы наконец все-таки ушли. Вскоре мы уже стояли в переулке Призрака. Это очень короткая боковая улочка, за которой начинается открытая местность, а виднеющаяся вдаль голубоватая гора кажется красивым изображением на театральном заднике. По одну сторону улочки нет никаких домов, и большой участок земли отлого спускается к гавани. По другую сторону — домов всего лишь три. Первый — обычный дом, больше о нем сказать нечего. Следующий — внушительный мрачный особняк из красного кирпича с отделкой из серого камня; из скатов мансардной крыши торчат козырьки слуховых окошек, а ее плоская верхняя часть обнесена железными перилами. Со всех сторон к дому подступает такое количество елей и пихт, что его стены едва видны с улицы. В нем, должно быть, ужасно темно. А третий и последний дом — Шумящие Тополя, расположенные прямо на углу поросшей травой улочки, куда выходит парадное крыльцо, и настоящей проселочной дороги, красивой и тенистой, идущей сбоку от дома.

Я влюбилась в него с первого взгляда. Знаешь, есть дома, которые сразу производят на увидевшего их человека огромное впечатление, по какой-то едва ли поддающейся объяснению причине. Шумящие Тополя из их числа. Я могла бы описать тебе этот дом как белый каркасный домик — очень белый, с зелеными ставнями — очень зелеными, с башенкой на углу и слуховыми окошками по бокам, с отделяющей его от улицы низень-

кой каменной оградкой, вдоль которой через равные промежутки стоят тополя, и с большим огородом позади него, где в восхитительном беспорядке высажены цветы и овощи... Но это описание не может передать его очарования. Говоря коротко, это дом с пленительной индивидуальностью, в нем есть что-то напоминающее Зеленые Мезонины.

— Вот место для меня. Это было предназначено, — сказала я восхищенно.

Вид у миссис Линд был такой, словно предназначение не внушает ей доверия.

— Далековато от школы, — заметила она с сомнением.

— Ничего страшного. У меня будет хороший моцион. Ах, только взгляните на эту прекрасную рощу берез и кленов за дорогой!

Миссис Линд взглянула, но сказала лишь:

— Надеюсь, тебя не будут изводить комары.

Я тоже надеялась на это. Ненавижу комаров. Единственный комар может прогнать мой сон куда лучше, чем даже нечистая совесть.

Я была рада, что нам не пришлось входить в дом через парадную дверь. Она выглядит ужасно мрачно: большая, двустворчатая, выкрашенная в красный цвет, в каждой створке красное стекло с цветочным узором. Кажется, что она совсем от другого дома. Маленькая зеленая боковая дверь, к которой мы подошли по чудесной дорожке, выложенной плоскими плитами песчаника и кое-где совершенно утопающей в траве, показалась мне гораздо более приветливой и привлекательной. Дорожку окаймляют очень аккуратные, заботливо ухоженные клумбы, на которых растут канареечник, диликтра, тигровые лилии, турецкие гвоздики, кустарниковая полынь, красно-белые маргаритки и те цветы, которые миссис Линд называет пиниями. Конечно, сейчас не все они в цвету, но видно, что все цвели в положенное время, и цвели

на славу. В дальнем уголке огорода — участок с кустами роз, а между Шумящими Тополями и мрачным соседним домом — кирпичная стена, заросшая диким виноградом, который увил и решетку, перекинутую в виде арки над тускло-зеленой дверью прямо посередине стены. Несколько виноградных побегов протянулись поперек двери — ясно, что в последнее время ее не открывают. На самом деле это даже и не дверь, а только нижняя половина двери, и через верхнюю открытую часть дверного проема мы могли мельком бросить взгляд в сад за стеной.

Едва мы вошли в ворота Шумящих Тополей, я заметила возле дорожки небольшой пучок клевера. Что-то заставило меня нагнуться и взглянуть на него поближе. Проверишь ли, Гилберт? Там, прямо перед моими глазами, были *три* четырехлистника!¹ Вот это предзнаменование! Против него даже Прингли бессильны. И я сразу почувствовала, что у банковского служащего нет ни малейших шансов.

Боковая дверь стояла открытой — кто-то, очевидно, был дома, и мы могли не заглядывать под цветочный ящик. Мы постучали, и к двери подошла Ребекка Дью. Мы сразу поняли, что это Ребекка Дью, так как это не мог быть никто иной на всем белом свете. И она не могла бы носить никакое другое имя!

Ребекке Дью за сорок, и если бы у помидора были черные волосы, гладко зачесанные назад, маленькие блестящие черные глазки, крошечный носик с утолщением на конце и рот в виде щели, он выглядел бы в точности как она. Все в ней чуточку коротковато — руки и ноги, шея и нос — все, кроме улыбки. Улыбка у нее такая, что может протянуться от уха до уха!

Но в тот момент мы еще не удостоились ее улыбки. Когда я спросила, можно ли видеть миссис Маккомбер, Ребекка Дью взглянула на меня довольно мрачно.

¹ По поверью, четырехлистный клевер приносит счастье.

— Вы имеете в виду вдову *капитана* Маккомбера? — уточнила она с упреком, словно в доме было не меньше десятка разных миссис Маккомбер.

— Да, — ответила я смиренно. И мы тотчас же были введены в гостиную и оставлены там. Это довольно приятная маленькая комната, с чрезмерным, пожалуй, количеством вышитых салфеточек на спинках и ручках мягкой мебели, но пленившая меня своей тихой, уютной атмосферой. Каждый предмет обстановки имеет свое особое, отведенное именно для него и занимаемое им много лет место. А как блестит вся деревянная мебель! Ни один покупной полировальный состав никогда не производил такого зеркального блеска. Я поняла, что это результат неустанных трудов Ребекки Дью. Каминную полку украшает бутылка, в которой находится модель корабля с полной оснасткой и парусами. Этот корабль чрезвычайно заинтересовал миссис Линд, которая никак не могла догадаться, каким образом он попал в бутылку, но нашла, что благодаря ему у комнаты «очень мореходный вид».

Вошли вдовы. Они мне сразу понравились. Тетушка Кейт высокая, худая и седая, немного суровая — точно того же типа, что и Марилла, а тетюшка Четти — маленькая, худая и седая, немного грустная. Возможно, когда-то она была хороша собой, но теперь от прежней красоты ничего не осталось, кроме глаз. Глаза у нее чудесные — нежные, большие, карие.

Я изложила цель моего визита, и вдовы переглянулись.

— Мы должны посоветоваться с Ребеккой Дью, — сказала тетюшка Четти.

— Без сомнения, — отозвалась тетюшка Кейт. И Ребекка Дью была вызвана из кухни. Вместе с ней вошел кот — большой, пушистый мальтийский кот с белой манишкой и белым воротничком. Я охотно погладила бы его, но, памятуя о предостережении миссис Брэддок, сочла за лучшее проигнорировать его присутствие. Ребекка взирала на меня без тени улыбки.

— Ребекка, — сказала тетушка Кейт, которая, как я убедилась, зря слов не тратит, — мисс Ширли хочет, чтобы мы сдали ей комнату. Я думаю, мы не можем этого сделать.

— Почему нет? — возразила Ребекка Дью.

— Боюсь, Ребекка, у вас прибавилось бы хлопот, — сказала тетушка Четти.

— Мне к хлопотам не привыкать, — заявила Ребекка Дью.

Просто невозможно, Гилберт, отделить ее имя от фамилии — невозможно... хотя вдовы это делают. Они обращаются к ней «Ребекка». Не знаю, как им это удастся.

— Мы, пожалуй, староваты, чтобы сдавать комнаты молодежи, — упорствовала тетушка Четти.

— Не говорите за других, — отрезала Ребекка Дью. — Мне всего лишь сорок пять, и я еще сохраняю и умственные, и физические способности. И на *мой* взгляд, было бы совсем неплохо, если бы в доме поселился кто-нибудь помоложе. Девушка, во всяком случае, лучше, чем молодой человек. *Он* курил бы и днем и ночью — спалил бы нас дотла прямо в постелях. Если вам нужен жилец, я посоветовала бы взять *ее*. Но, разумеется, это *ваш* дом.

«Сказала и исчезла», как любил выражаться Гомер¹. Я поняла, что все уже решено, но тетушка Четти сказала, что я должна подняться наверх и посмотреть, устроит ли меня комната.

— Мы, душенька, дадим вам комнату в башне. Она не такая большая, как комната для гостей, но в ней есть отвод от дымохода, чтобы зимой ставить железную печечку, да и вид из окна гораздо приятнее. Вам будет видно старое кладбище.

Я знала, что полюблю эту комнату. Само название «комната в башне» вызвало у меня приятную дрожь. Я почувствовала себя так, словно очутилась в той старинной балладе, которую мы часто пели в авонлейской школе, о девице,

¹ Гомер (IX в. до н.э.) — греческий поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи».